

СЕКРЕТНЫЙ ОСТРОВ ЗАПОЛЯРЬЯ

Кандидат технических наук Сергей АКСЕНТЬЕВ.

При выходе из Кольского залива в Баренцево море на северо-востоке открывается каменная громада острова Кильдин. Это узловая транспортная точка главных морских дорог из Мурманска на запад — в Скандинавию и Европу, на восток — в Белое море и порты Северного морского пути. Самый большой остров Баренцева моря (17 км в длину, около 7 км в ширину) отделён от берега нешироким (от 900 м до 2,5 км) проливом — Кильдинской салмой. Однако близость Большой земли иллюзорна. Там, на материке, на десятки километров простирается заполярная тундра, местами нехоженная и поныне. Когда в 30-х годах прошлого века на Кильдине поместили лагерь Беломорского ГУЛАГа, наружной охраны не потребовалось. Несколько отчаянных попыток бежать закончились трагически. Кочевники-оленоводы и охотники-лопари потом находили в тундре обглоданные песцами тела беглецов...

ЗАПРЕТНОЕ МЕСТО?

Кильдин — сосредоточение загадок. Например, его береговые утёсы представляют слоёный сланцевый пирог, в то время как лежащий напротив мурманский берег сложен из гранитных гнейсов. Подобное слоистое строение в этих краях имеет только полуостров Рыбачий, но он расположен почти на семьдесят километров северо-западнее Кильдина. И по сей день учёные пытаются разгадать эту загадку природы. Легенды утверждают, что происхождением остров обязан проискам саамских шаманов нойдов. По одной из них нойды, возмущён-

ные обращением преподобным Трифоном Печенгским местных саамов в христианство (1533), решили наказать отступников, лишив их океанского промысла. Отломив от Рыбачьего огромный камень, они потащили его в горло Кольской губы, чтобы закрыть рыбакам выход в море. Но на берегу лопари увидели плывущих на каменной глыбе нойдов и закричали: «Земля идёт! Земля идёт!» И тотчас окаменели, нойды исчезли, а земля остановилась. С тех пор и торчит

● О Т Е Ч Е С Т В О
Страницы истории

Карта Мурманска. XVIII век.

из воды у входа в Кольский залив камень-остров Кильдин. Справедливости ради замечу, что остров был здесь и до 1533 года.

Не известно и значение слова «Кильдин». Одни исследователи полагают, что оно непереводимо, другие, относя его к голландскому «кильтед» — «запрещать», истолковывают название острова как «Запретное место». Ещё одна загадка — озеро Могильное (560 м в длину и 280 м в ширину), расположенное в юго-восточной части острова и отделённое от пролива узкой полосой суши шириной не более 60 м. Уникальность озера — в пяти никогда не перемешивающихся слоях воды. Придонный слой насыщен сероводородом и практически обитаем. Над ним — слой, заселённый пурпурными бактериями, преграждающими выход на поверхность сероводорода. В июле—августе бактерии «цветут», окрашивая воду в ярко-вишнёвый цвет. Третий слой — фрагмент Баренцева моря. В нём обитают треска, морской окунь, морские водоросли и морские звёзды. Четвёртый слой — морской рассол, разбавленный пресной водой. Здесь царство медуз и некоторых ракообразных. У поверхности лежит 4—5-метровый слой отменной пресной воды. Необычный морской аквариум глубиной чуть больше 16 м не имеет перегородок, и всё же обитатели его не нарушают невидимых границ и никогда не мигрируют из одного слоя в другой. Как образовалось озеро, каким образом на протяжении веков сохраняется в нём такой слоистый баланс — не ясно и сейчас.

Впечатляет разнообразие природы Кильдина. Климат северной возвышенной и обрывистой части острова суровый, типично

арктический. Южная же часть, террасами спускающаяся к морю, в летнюю пору напоминает альпийские луга с причудливыми водопадами, густой сочной травой и зарослями полярных кустарников. Зима здесь мягче, а лето продолжительнее, чем наверху. Обширное каменное плоскогорье, возвышающееся над поверхностью моря на 250 м, покрыто серебристым мхом-ягелем, там множество небольших пресноводных озёр, а летом обилие ягод и грибов. До середины XIX века

саамы каждое лето вплавь перегоняли на кильдинские пастбища оленей стада. Здесь хорошо себя чувствовали песцы и полярные лисы, о чём увлекательно поведали нам Михаил Пришвин («За волшебным колобком», 1908) и Георгий Куклин («Остров Кильдин», 1931).

Восточная часть острова образует удобную для стоянки судов Корабельную бухту. В былые времена с наступлением лета, сообщают писцовые книги, купцы из Скандинавии и Голландии везли на Кильдин бочки с вином, мешки с сухофруктами и пряностями, сливки меди, свинца и олова, яркие тюки парчи, атласа, бархата, ювелирные украшения. А с Кольской земли и из окрестных губерний российские купцы доставляли на кильдинские ярмарки меха, речной скатный жемчуг, моржовый клык, рыбу, тюленьё сало, гагачий пух.

В конце XVI века на берегу Корабельной бухты держал свой базовый лагерь Виллем Баренц. Отсюда в июне 1594 года он на четырёх судах отправился в океан для поиска Северного морского пути в Китай и Индию. Сюда же 25 августа 1597 года после трагической зимовки на Новой Земле, где скончался отважный командор, на утлом судёнышке возвратились двенадцать моряков последней голландской экспедиции. Лопари, жившие в то время на острове, обогрели, накормили несчастных и помогли добраться до Колы, где стояло голландское судно.

СОЛОВЕЦКИЕ МОНАХИ В БУХТЕ КОРАБЕЛЬНОЙ

В середине XVIII века монахи Соловецкого монастыря на берегу Корабельной бухты поставили рыбацкое становище и наладили регулярный морской промысел. Срубили большую избу для промышленников с просторными чуланами и товарней. Вырыли колодец, а рядом с ним поставили

баню. Устроили соляные и мучные амбары, рыбный погреб, салогрейню, рыбные елуди (помосты из жердей для сушки рыбы). На взгорье собрали привезённую в разобранном виде деревянную часовню «брусчатую, рубленую в лапу в закрой, а к ней крышку шатровую на 4 ската. На шатёр главу, а на главу крест». В часовне поместили иконы. Бухту и рядом лежащее озеро переименовали в Монастырские. В удачные годы за три летних месяца промысловики заготавливали для Соловецкого монастыря более 760 пудов палтуса и около 1400 пудов отменной трески.

В те времена царское правительство смотрело на Мурман как на бросовую землю. Этим пользовались морские разбойники западных стран. В июне 1809 года в Монастырскую бухту пожаловал английский фрегат «Наяда» в сопровождении двух корветов. Захватив стоявшие на рейде баржи с зерном, англичане перебили монахов, сожгли часовню, разграбили дома, амбары и склады. На пепелище устроили базу, откуда безнаказанно совершали набеги в Колу, на Терский берег и в Белое море. После ухода налётчиков погост представлял жуткую картину: обугленные остовы строений, осквернённые могилы. Алчные сыны Альбиона забрали всё: церковную утварь, предметы культа. Не погнушались даже чанами для топки сала и бочками для засола рыбы. Бухту и уникальное пятислойное озеро, расположенное рядом, с тех пор стали звать Могильными. Побывавший на Кильдине в 1822 году известный путешественник Ф. П. Литке с возмущением писал в своём дневнике: «Взять имущество неприятельское позволительно... Но сжечь, разорить без цели и намерения скудный приют мирных, безоружных рыбаков — есть подвиг, которым бы погнушался и норман IX века, а это сотворили военные суда первой мореходной державы — державы, славящейся наибольшим просвещением, правосмыслием и человеколюбием! Кто бы это мог подумать?»

ГОРОД МЕЧТЫ

Первым на стратегическую значимость Кильдина обратил внимание Михаил Ломоносов. «Португальцы, — писал он в одном из трактатов, — от своих берегов имели ход в Ост-Индию до Малабарского берега семнадцать тысяч вёрст; у нас от Кильдина-острова (ежели

оттуда главное предприятие воспоследует) до Чукотского носу, до которого из Камчатки доходит открытым морем Беринг, не больше пяти тысяч вёрст». Учёный ратовал за освоение Северного морского пути, доказывая полезность и выгодность такого предприятия: «Россия, имея Северный океан, лежащий при берегах, себе подданных и по большей части исследованных и описанных, за одним только льдом и стужей не продолжает своих важных и преславных предприятий, дабы достигнуть к тем берегам восточным, где не токмо от неприятелей безопасна, но и свои поселения и свой флот найдёт...» Однако эти резоны игнорировались не одним поколением российских чиновников. Больше того, в начале 60-х годов XIX века в правительственных кругах бытовало мнение, что «целесообразнее и выгоднее всё северное население переселить в другие местности, а Кольский полуостров продать Англии, как это предполагается сделать с Аляской, продав её Америке». Но лучшие люди того времени стали на защиту Кольского Севера. Учёные убеждали в стратегической значимости незамерзающих кольских губ, указывали на огромные богатства тамошних рыбных промыслов. И хотя упорство чиновников было необычайное, правительство решилось наконец заняться проблемами Мурмана.

В высочайше утверждённом Положении Комитета министров от 22 ноября 1868 года «О льготах для поселенцев Мурманского берега в Архангельской губернии» было объявлено: тем, кто решится осесть на мурманских берегах «на времена вечные», правительство поможет с обустройством. Разрешит бесполошинную торговлю в течение шести лет и безденежный отпуск леса на постройку домов и промысловых судов в

Слоёные сланцевые скалы Кильдина.

Юхан Эриксен, основатель самого известного на Кильдине норвежского рода.

течение десяти лет. Молодёжь освободит от рекрутской повинности. И даже бесплатно снабдит новых хозяев коровами холмогорской породы. Коренным жителям тех мест саамам, если они перейдут к оседлости, построят школы и больницы.

Вместе с россиянами на мурманский берег устремились и иностранцы. Правительство приветствовало такую эмиграцию в надежде, что норвежцы и финны, известные своим трудолюбием, послужат достойным примером для наших переселенцев. И действительно, многие из иностранцев быстро разбогатели и уже через несколько лет фактически безраздельно хозяйничали на северных российских промыслах. Особо преуспел в этом «кильдинский король» Юхан Эриксен, поселившийся на острове в начале 70-х годов XIX века. В «Путеводителе по Северу России», составленном вице-губернатором Д. Островским в 1898 году, о нём говорится так: *«У моря, в бухте Монастырской, стоит дом норвежского колониста Ивана Эриксена — образец мурманских построек. Дом деревянный, двухэтажный, с крыльцом, балконом и флагштоком, без фундамента, крытый дёрном. Два нижних го пола венца бревенчатые, четыре следующие венца го окон из двухвершковых досок... Сруб по мере достатка постепенно, но плотно обшивается тёсом. Рамы двойные... Печи кирпичные и чугунные. Дом тёплый, семейство большое, рослое, здоровое, приветливое. Живут зажиточно и чисто».* В отличие от большинства земляков, Эриксен не занимался торговлей дешёвым норвежским ромом, дававшей бешеные и быстрые деньги, не наживался на перекупке товаров и эксплуатации наёмных рабочих. Единственному

работнику, которого подражал на сенокос, всегда платил хорошо. Но таких образцовых колонистов на мурманском побережье были единицы. В основном же иностранцы, спаивая невежественных аборигенов, за копейки скупали богатейшие уловы и охотничьи трофеи. Казна вместо прибыли несла колоссальные убытки. Первым в 1864 году забил тревогу кольский надзиратель Амон. Регулярно объезжая поселения колонистов, он внимательно приглядывался к быту и взаимоотношениям русских поморов с иностранцами. Съездил даже в Норвегию, посмотрел на тамошнюю жизнь. В итоге пришёл к выводу о необходимости срочно менять колониальную политику и предложил проект обустройства Севера. В основе его лежали две стратегические задачи: *«Погорвать торговые интересы нашей соседственной Норвегии в самом основании её»* и *«учредить всей торговле норвежской на нашем Российском берегу сильную конкуренцию и тем уничтожить мысль о контрабанде».* В проекте особая роль отводилась созданию на Мурмане образцового города — порта по типу норвежского Вардё. Местом его строительства Амон выбрал Кильдин. На острове он предлагал учредить торговую компанию, таможенно, устроить торговые лавки, склады для товаров, питейные дома, полицейскую управу и вооружённую охрану. Поставить больницу, школу. Открыть аптеку. Для совершения религиозных обрядов лицам лютеранского вероисповедания присылать на остров не менее одного раза в год пастора, знающего норвежский и финский языки. План этот не был реализован. Правительственные чиновники сочли его слишком затратным и утопичным.

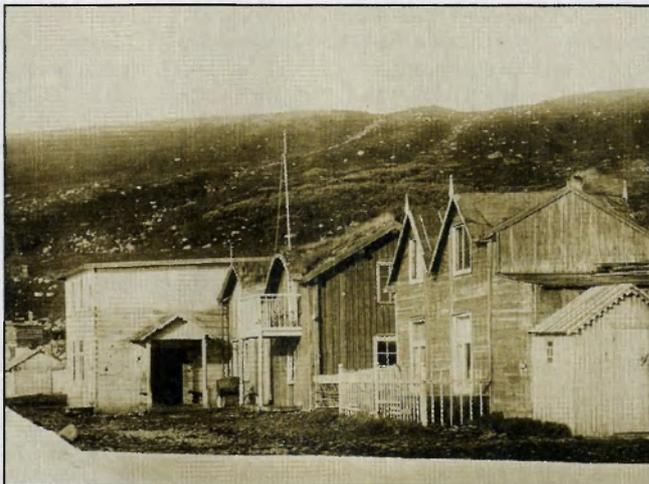
Но жизнь показала, что кольский надзиратель был прав. Уже в 1872 году к идее Амона вернулись. При министерстве финансов России была создана специальная комиссия. Тщательно обследовав всё побережье, она пришла к тому же выводу: лучшим местом для колонии является остров Кильдин. Были составлены план и смета (на общую сумму 132 219 руб.) строительства в Монастырской бухте города-порта. В городе, как и по проекту Амона, предполагалось построить все необходимые службы и учреждения, кроме того, православную церковь; дома для церковных служителей, лиц административного и судебного персонала с помещением для арестантов; училище для обучения детей морскому делу и новые пристани для гребных и больших судов.

Однако столичные вельможи потребовали *«подвергнуть рассмотрению в установленном порядке вопросов о самой*

необходимости учреждения предписываемого портового города...». Тут подоспел отзыв начальника Архангельской губернии, действительного статского советника Н. П. Игнатьева. Лоббируя свои интересы, он утверждал: «Значение этого порта для благоустройства Северного края является мало важным и процветание его в будущем маловероятным... поскольку архангельские торговые конторы, имея сношение не с Норвегией, а с английским, германскими и голландским портами, вовсе не нуждаются в промежуточных станциях на Мурмане». В итоге завязавшаяся канцелярская переписка в очередной раз похоронила проект.

Вновь к нему вернулись почти полвека спустя. На этот раз инициатором строительства «образцовой колонии на Мурмане» выступил архангельский губернатор, действительный статский советник И. В. Сосновский. В 1910 году он подал в правительство записку «О мерах развития колонизации Мурмана». Губернатор предлагал не распылать государственные деньги на обустройство Мурманского края, а выбрать наиболее подходящее место, направить их на строительство образцовой промысловой колонии. Особое внимание Сосновский уделял выбору для неё места. По его мнению, оно должно быть: благоприятным в географическом смысле; близким от промыслов; иметь удобную гавань для судов и удовлетворительные топографические данные. «Оценив с этих точек зрения различные пункты Мурманского побережья, — писал он в записке, — я, на основании личного знакомства с краем, а также отзывов сведущих лиц и литературных указаний специалистов, нахожу наиболее подходящим местом для обустройства первой образцовой колонии самый крупный остров Мурмана — Кильдин».

Взяв всё лучшее из проектов Амона и Правительственной комиссии 1872 года, учтя опыт преуспевающих колонистов Эриксонов, Сосновский разработал план образцовой колонии, в котором максимально учёл интересы нынешних и будущих поселенцев. Не упустил из виду губернатор и санитарно-экологическую безопасность будущего города-порта: «...в предотвращении антисанитарной и

Постройки Эриксона на Кильдине.

опасной в пожарном отношении скученности, обычно наблюдаемой в Мурманских колониях, разраставшихся бессистемно, — усадебные участки на Кильдине проектированы в кварталах, разделяющихся широкими улицами».

Хорошо представляя первостепенные нужды людей, прибывающих на поселение, Сосновский предполагал первым делом построить на острове лесной склад с пиленым лесом и стандартными брёвнами для жилищ с расчётом на одновременную постройку не менее 20 домов и склад снастей, такелажа и дельных вещей для рыболовных судов. «Эти предметы, — указывал он, — важно иметь на месте, притом хорошего качества и усовершенствованного типа». Настоящей бедой кольских поморов всегда являлось отсутствие на Мурмане эллингов, где промышленники в любое время могли бы произвести быстрый и качественный ремонт судов. Реформатор предлагал разрешить и эту проблему, устроив современные эллинги на южном берегу Кильдина. План Сосновского и смета денежных средств на строительство были одобрены российским правительством, но случившиеся революции и войны погребли его, как и другие важные для процветания России проекты, под развалинами рухнувшей империи.

РЕВОЛЮЦИИ, СМУТЫ, ВОЙНЫ...

С началом Первой мировой войны на Кильдине расквартировали небольшой военный гарнизон, а у северного побережья острова развернулась настоящая подводная война. Только с 11 сентября по 1 октября 1916 года германские подводные лодки потопили там около 30 коммерческих

судов (большой частью норвежских и английских), шедших в Архангельск или из Архангельска в Европу.

Революция 1917 года свершилась на Мурмане быстро и бескровно. Но спокойной жизни она не принесла: началась Гражданская война. На остров хлынули беженцы. Там тоже жилось несладко, но зато мирно. В марте 1919 года заведующий (он же учитель) Кильдинским училищем 1-й ступени Дмитрий Андреевич Козырев (27 лет) сообщал в Александровскую уездную управу, что занятия в школе (избе из двух комнат и небольшой кухни) идут по плану, «...на острове детей школьного возраста — 20, населения — 130 человек. Количество учащихся обоего пола — 12 (мальчиков — 4, девочек — 8). В училище за неделю даётся 28—29 уроков». Среди учеников были и дети норвежских колонистов. Долгожданное окончание Гражданской войны не оправдало надежд островитян. Западная часть Печенги стала финской территорией, свободный проезд и обмен товарами с Норвегией прекратились. Жизнь на острове хирела. Спасти дело решили, организовав в 1931 году завод по добыче йода, песцовую ферму и рыбколхоз «Смычка», национализировав все суда и средства ловли у наиболее зажиточных островитян и прежде всего у норвежцев, на которых новые власти смотрели как на людей с подозрительным «буржуазным прошлым». Начались склоки, доносы. В феврале 1938 года представители НКВД становища Кильдин по обвинению в шпионаже и антисоветской агитации арестовали последнего из знаменитого

норвежского рода двадцатидвухлетнего Эрлинга Эриксона. Начался массовый исход островитян.

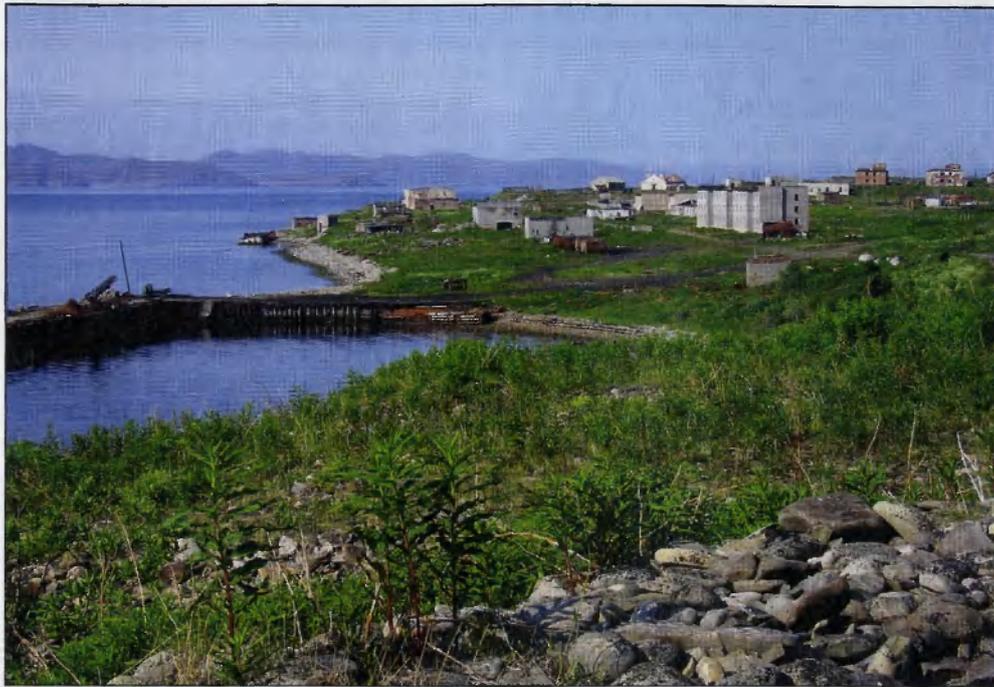
В 1939 году всех оставшихся поселенцев срочно эвакуировали на материк. На острове заключённые ГУЛАГа возводили 180-миллиметровую артиллерийскую башенную батарею, вгрызаясь в каменный грунт на глубину более 20 м, строили открытые позиции зенитных артустановок и причал для военных кораблей. На западном берегу метростроевцы в скалах пробивали штольни для ремонтных цехов. Ударными темпами ставили казармы, жилой городок (Кильдин Новый) для военных, базовый лазарет, клуб, пекарню и банно-прачечный комбинат. На южном плёсе выравнивали площадку под взлётно-посадочную полосу авиации Северного флота.

К началу Великой Отечественной войны остров превратился в настоящую военную базу. Там дислоцировались: 2-й артиллерийский дивизион в составе четырёхорудийной 180-миллиметровой башенной батареи и двух открытых стационарных батарей 100- и 130-миллиметровых орудий; 6-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион ПВО в составе четырёх батарей 76- и 45-миллиметровых орудий; запасной аэродром истребительной авиации (27-я авиабаза ВВС); 52-я пулемётная рота; 325-й стрелковый полк; отдельная танковая рота; радиолокационные станции, посты наблюдения и связи, военноморской лазарет.

Гранитный «крейсер Кильдин», как тогда называли остров, находился в оперативном резерве командования Мурманского укрепрайона и Штаба Северного флота и за всю войну так и не произвёл ни единого выстрела по врагу. Даже в трагическую ночь с 9 на 10 августа

Военный городок ракетчиков, 1960-е годы.

Таков Кильдин сегодня. Брошенный людьми посёлок, забытый причал...

1941 года, когда на глазах артиллеристов на Кильдинском плёсе три фашистских эсминца хладнокровно расстреливали беззащитный сторожевой корабль «Туман», мощные 180-миллиметровые орудия Кильдина молчали. В недавно изданной книге «Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» приводится любопытная выдержка из секретного приказа по Северному флоту за 1941 год с оценкой этого инцидента: *«Существовала ненужная централизация. Командиры дивизионов не решались открыть огонь и вели длительные переговоры с командными пунктами Мурманского укрепрайона (МУРа) и флота. Тогда как при появлении противника (особенно быстроходных кораблей) командир батареи должен самостоятельно открывать огонь. Кроме того, боевая служба в дивизионах была не на высоте. Артиллерийские дивизионы не несли радиовахт на волне дозорных кораблей и, таким образом, сведения о противнике получали через штаб МУРа или штаб флота (Полярное)»*. Несмотря на многочисленные публикации, посвящённые этому трагическому эпизоду, многое до сих пор остаётся неясным...

После окончания войны большую часть войск переправили на материк. В бухте Могильной возродили рыбацкую

факторию. Жизнь постепенно входила в мирное русло. Но ненадолго. В 1950-х годах корабли и береговые части советского Военно-морского флота получили новый вид вооружения — крылатые и зенитные управляемые ракеты. И снова Кильдин стал секретным объектом. Всё гражданское население опять выслали на материк. В северной части пустынного плато развернули круглосуточную стройку. В скалистом грунте рыли огромные траншеи (более 100 м в длину, до 10 м в ширину и более 6 м в глубину), в которых сооружали бетонные помещения для будущих ракетных комплексов. Готовые объекты засыпали горной выработкой так, что снаружи они выглядели невысокими покатыми холмами. Ещё наверху лязгали гусеницы бульдозеров, а внутри специалисты многих «почтовых ящиков» устанавливали приборы и оборудование, проводили наладку и технические испытания агрегатов. Менее чем за два года всё было готово. Правда, в спешке забыли про жилой городок для личного состава, офицеров и старшин с семьями. Он значился в генеральном плане, но, отрапортовав о боевых успехах, строители в срочном порядке убыли на материк, пообещав ракетчикам в скором времени вернуться и построить благоустроенное жильё. А пока просили подождать и по-

жить в наспех сколоченных временках. Пауза затянулась на долгие двадцать лет.

ЖИЗНЬ В ОЖИДАНИИ

Жизнь на секретном полярном острове вообще состояла сплошь из ожиданий. Ждали рейсовые пароходы, которые при хорошей погоде дважды в неделю заглядывали на Кильдинский рейд, привозя для островитян почту многодневной давности и посылки от родственников. С нетерпением ждали появления солнца после долгой полярной ночи. Мужчины жили ожиданием плановых и «внезапных» проверок, ракетных стрельб, итоговых политзанятий и командировок на Большую землю, чтобы малость расслабиться от военной «напряжёнки». Ждали очередных воинских званий и продвижения по службе. Но больше всего ждали приказа о переводе на Большую землю, в места тёплые и цивилизованные.

Чувство постоянного ожидания накладывало отпечаток и на быт островитян. Он был неприхотлив и скромн. Мебель — либо казённая, либо передаваемая по наследству из поколения в поколение. С появлением системы связи «Орбита» (1967) телевизор стал основой вечернего досуга. Дважды в неделю в местном клубе, а там, где его не было, — в матросской столовой на узкоплёночном аппарате крутили старые фильмы. Правда, все много и охотно читали. При желании можно было получить во временное пользование с Большой земли практически любую книгу. Выписывали десятки литературных и научно-популярных журналов, центральных газет. В обсуждении новинок Василия Аксёнова, Анатолия Гладилина, братьев Стругацких, Ивана Ефремова на коммунальных кухнях разгорались баталии, по накалу ничуть не уступавшие знаменитым «политехническим» сходам.

А потом наступили смутные времена: в Москве били из танков по Белому дому. В Чечне бомбили Грозный. В Севастополе делили Черноморский флот. Из Германии, Польши и Прибалтики срочным порядком выводили советские войска. На Кильдине с тревогой следили за происходящим и ждали своего часа. Ждать пришлось недолго. В 1994 году поступил приказ убрать с острова все воинские части, а в ночь на 31 декабря 1995-го последние офицеры берегового ракетного полка покинули остров Кильдин. Покинули в спешке, как при отступлении. Но уничтожить капитально отремонтированные

и подготовленные к долгой зиме банно-прачечный комбинат, детский сад, базовый матросский клуб (гордость островитян), котельную и электростанцию не поднялась рука. В аккуратные штабели уложили бочки с соляром. Завезённый великими трудами уголь сбункеровали и прикрыли старыми чехлами от ракет. Тщательно смазали все механизмы недавно модернизированных многотонных пусковых установок. Их опустили в шахты и закрыли железобетонными крышами — откатниками. На все двери повесили замки и слепки с печатями, втайне надеясь, что всё это ещё пригодится армии. Но этого не случилось. По весне, едва сошёл снег, на секретный остров хлынули лихие команды с автогенами, кранами и тягачами. За короткое полярное лето вырезали, вырубали, упаковали и увезли оставленное военными добро. Не забыли и про заботливо припасённые с осени соляр с угольком...

РАЗМЫШЛЕНИЕ ВСЛУХ

Вот уже третий десяток лет истерзанный остров Кильдин, как и его собратья вдоль Северного морского пути, брошенные на произвол судьбы, заваленные ржавым железом былого военного величия, пустыми бочками и бытовым мусором, тихо умирает. Кто-то возразит: «Подумаешь, остров — клочок суши в полярной глуши. При наших-то просторах и нашем-то богатстве, это ли повод для огорчения?» С точки зрения обывателя, оно и впрямь так. Только не дают покоя слова Антона Павловича Чехова, сказанные вскоре после возвращения из поездки на Сахалин. На вопрос родных: «Как там за Уралом?», он в своей ироничной манере ответил: «Россия — громадная равнина, по которой носится лихой человек!»

Глядя на грустную картину нынешнего «северного фасада России», задаёшься вопросом: не пришла ли пора прекратить носиться, начать приводить в порядок «громадную равнину», а с ней заодно и заполярные острова Северного морского пути? Нелишне подумать и о возрождении надёжной защиты несметных северных богатств. Ведь не ровён час, однажды окажется, что «лихому человеку» и носиться-то будет не по чему!..

Автор выражает признательность Дмитрию Косинцеву за предоставленные иллюстративные материалы.